Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. No 4 | ISSN: 2658-7734
Новые медиа и коммуникации | https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.526

Communication Tactics of Conflict Genesis in the Network Media Space of Frontier Regions

Sergey N. Bredikhin[1], Evgenii A. Avdeev[2], & Boris A. Shishkin[3]

North Caucasus Federal University. Stavropol, Russia

Received: 13 June 2024 | Revised: 9 August 2024 | Accepted: 16 August 2024

Abstract

The growth of social and political tension in the world, the resonance of global and regional crises and contradictions are preparing new challenges for local linguistic and cultural communities, which are reflected and intensified in network communication. The formation and circulation of conflict-producing content and the use of verbal aggression on social networks can become triggers for ethno-confessional conflicts and provoke aggression and violence. The purpose of the article is to analyze conflict-producing content in the VKontakte communities and Telegram channels of Stavropol, Dagestan and North Ossetia, establish its thematic focus, identify the communication tactics used and speech moves to provoke ethno-confessional conflict. In social networks of the Stavropol region, speech moves are more often used focusing attention on socio-economic difficulties and aimed at creating a hostile attitude towards migrants. In the online discourse of Dagestan, religious themes prevail over ethnic ones, while this factor in determining stratagem-tactical variation helps reduce interethnic and interfaith hostility. The thematic and situational connection of conflict genesis to the initial post suggests that provoking conflict acquires not only an ethnic, but also a confessional character, due to a sense of religious solidarity, and defensive rhetoric in relation to the Islamic way of life and traditions. The analysis of the conflict-producing content of online communities in North Ossetia indicates that there are currently no serious ethnic and religious contradictions, while socio-economic issues are coming to the fore. Significant ethno-confessional and ethnocultural differences, complexities and problems of socio-economic development can turn social networks into an effective tool for the use of manipulative technologies in the course of modern hybrid information warfare. Further research into network discourse will contribute to identifying the conflict-generating potential of verbal aggression and will help to form of effective means of countering the growing threats of destabilization of ethno-confessional relations in the North Caucasus.

Keywords

Communication Tactics; Speech Moves; Conflictogenesis; Verbal Aggression; Network Media Space; North Caucasus; Ethno-Confessional Relations; Stavropol Region; Dagestan; North Ossetia Alania

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

1 Email: bredichinsergey[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-2191-4982
2 Email: ewg.avdeev[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0003-4004-9610
3 Email: boris-shishkin.work[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-8694-3637

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. No 4 | ISSN: 2658-7734
New Media and Human Communication | https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.526

Коммуникативные тактики конфликтогенеза в сетевом медиапространстве фронтирных регионов

Бредихин Сергей Николаевич[1], **Авдеев Евгений Александрович**[2], **Шишкин Борис Андреевич**[3]

Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия

Рукопись получена: 13 июня 2024 | Пересмотрена: 9 августа 2024 | Принята: 16 августа 2024

Аннотация

Рост социальной и политической напряженности в мире, резонанс глобальных и региональных конфликтов готовят локальным лингвокультурным сообществам новые вызовы, отражающиеся и усиливающиеся в сетевой коммуникации. Формирование и тиражирование конфликтогенного контента, применение средств речевой агрессии в социальных сетях могут выступить триггерами этноконфессиональных конфликтов, спровоцировать агрессию и насилие. Цель статьи – выявить конфликтогенный контент в сообществах ВКонтакте и Telegram-каналах Ставрополья, Дагестана и Северной Осетии, проанализировать его тематическую направленность, проанализировать применяемые коммуникативные тактики и речевые ходы провоцирования этноконфессиональной конфликтности. В социальных сетях Ставрополья чаще применяются речевые ходы, направленные на формирование неприязненного отношения к мигрантам. В сетевом дискурсе Дагестана конфессиональная тематика преобладает над этнической, при этом данный фактор, определяющий выбор коммуникативных стратегий и тактик, способствует существенному снижению межэтнической и межконфессиональной неприязни. В то же время тематическая и ситуативная привязка конфликтогенеза к исходному посту доказывает, что провоцирование конфликтности приобретает не только этнический, но и конфессиональный характер, обусловленный чувством религиозной солидарности, защитной риторикой по отношению к исламскому образу жизни и традициям. Анализ конфликтогенного контента в сетевых сообществах Северной Осетии свидетельствует об отсутствии в настоящее время серьезных этнических и конфессиональных противоречий, на первый план выходит социально-экономическая проблематика. Значимые этноконфессиональные и этнокультурные различия, сложности и проблемы социально-экономического развития могут превратить социальные сети в эффективный инструмент применения манипулятивных технологий в ходе современной гибридной информационной войны. Дальнейшие исследования сетевого дискурса внесут вклад в выявление конфликтогенного потенциала речевой агрессии и будут способствовать формированию эффективных средств противодействия возрастающим угрозам дестабилизации этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе.

Ключевые слова

коммуникативные тактики; речевые ходы; конфликтогенез; речевая агрессия; сетевое медиапространство; Северный Кавказ; этноконфессиональные отношения; Ставрополье; Дагестан; Северная Осетия – Алания

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: bredichinsergey[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-2191-4982
2 Email: ewg.avdeev[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0003-4004-9610
3 Email: boris-shishkin.work[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-8694-3637

Введение

Социальное взаимодействие на настоящий момент представляет собой многовекторное, полимодальное и мультиканальное пространство, а преобладающие в современном социокультурном взаимодействии новые медиа как доминирующие каналы распространения аксиологических компонентов обладают не просто сложной иерархической структурой, но и демонстрируют наличие пограничных областей, характеризующихся как интегративными (синтонными), так и деструктивными (конфликтогенными) механизмами дискурсивизации базовых этнокультурно- и социоисторически маркированных доминант. Семантическая память, конвенционализированная в языковых структурах в сетевой некооперативной коммуникации, представляет собой основу для экспликации индивидуальных семантем в их корреляции со вторым и третьим уровнями генерализованного содержания, в которые входят социокультурные нормы, паттерны взаимодействия и интерпретации событий, бытующие на момент восприятия инфоповода (Бредихин & Пелевина, 2021, с. 49). Разнонаправленные векторы глобализации и локализации феноменов социальной значимости в своей конвергенции формируют противоречивое, но при этом целостное пространство глокального взаимодействия в локально, темпорально и ситуативно детерминированной сетевой коммуникации. Она характеризуется деперсонификацией и представляет собой генерализованный срез вербально-семиотического представления процессов многомерной динамики социальных процессов. Дополнительные факторы рисков распространения коммуникативных конфликтов на почву реальной действительности, создание в сетевом пространстве условий для интенсификации деструктивных актуальных сфер стимул-реактивного взаимодействия на основе транслируемых инфоповодов ведет к разрастанию угроз этноконфессионального размежевания в социокультурном пространстве фронтирных регионов. Рост социальной и политической напряженности в мире, резонанс глобальных и региональных конфликтов готовят локальным лингвокультурным сообществам новые вызовы, отражающиеся и усиливающиеся в конфликтогенной сетевой коммуникации. Выстраивание конфликтогенного пространства сетевого провокативного взаимодействия основано на энтропии побочных эффектов информационно-коммуникационной деятельности как барьеров социально значимой коммуникации (Зотов & Алексеенко, 2021, с. 142). Многие современные ученые сходятся во мнении, что сетевые сообщества не просто представляют собой тривиальное отражение мира (как говорил У. Шекспир, “To hold, as ‘t were, the mirror up to nature”), а, вовлекая в свою «орбиту» не только подавляющее число акторов социального взаимодействия, но и распространяя свое влияние на практически все сферы жизнедеятельности как ограниченных, так и глобальных сообществ, архитектуру и механизмы функционирования всех социальных

институтов, сами становятся «осетевленным» миром (Бабосов, 2019, с. 196). Усложнение механизмов социального взаимодействия, множественность переменных, влияющих на функционирование общества, приводят к неустойчивости, нестабильности пропозитивных оснований сетевой коммуникации, расширению деструктивных конфликтогенных областей.

Наиболее ярко речевая агрессия проявляется в сетевых коммуникациях фронтирных регионов Северного Кавказа – Ставрополье, Дагестан и Северная Осетия, являющихся территориями взаимодействия различных этносов, религий, языков и культур. Этнокультурные различия между русскими и северокавказскими народами проявляются как в специфике религиозной жизни, так и в традициях, языке, ценностях и образе жизни. Вместе с этим среди самих северокавказских народов существуют значительные социокультурные и этноконфессиональные различия. Рассматриваемые регионы отличаются друг от друга и являются уникальным сочетанием традиций, этносов, конфессий, языков и культур. В них все большую роль в провоцировании конфликтов играет формирование и тиражирование конфликтогенного контента, применение средств речевой агрессии в социальных сетях. Сетевая конфликтная мобилизация осуществляется путем целенаправленного использования вербальных и невербальных средств воздействия. Деструктивный контент может выступить триггером этноконфессиональных конфликтов, спровоцировать агрессию и насилие. Социальные сети способствуют расширению ареала применения языка вражды, мгновенно распространяя слова и фразы, приобретающие негативные, оскорбительные или враждебные коннотации. В качестве общеизвестного примера можно привести события, которые произошли в конце октября 2023 г. и привели к антисемитским беспорядкам в Махачкале и ряде других городов Северного Кавказа. Следует, однако, отметить, что степень конфликтогенности, а значит, и уровень применяемого языка вражды (мягкий, средний и жесткий) в экспликации речевой агрессии напрямую зависит от коллективной релевантности инфоповода, максимизации его значимости в сетевом коммуникативном сообществе, которая достигается на основе областей пересечения частных пертинентностей (актуальных, интерпретационных и мотивационных значимостей) (Бредихина, 2023, с. 4-5).

Язык вражды как форма речевой агрессии включает в себя неприязнь, интенсификацию социальных авто- и гетеро-стереотипов, предубеждений и использование тех или иных регистров пейоративной лексики, оскорбляющей носителей тех или иных этнических, конфессиональных и социокультурных ценностей. Он становится частью более широкого и сложного феномена – провокативной коммуникации, основанной на предубеждениях и дискриминации. Провокативный конфликтогенный дискурс строится на псевдомотивированной эмоционально-экспрессивной трансляции субъективных оценок интернет-пользователей в аспекте реализации прямого влияния

на ценностно-ориентационное пространство той или иной социумной группы, трансформации общественного мнения (Gabrielova et al., 2020, p. 403). Она базируется на стереотипных когнитивных схемах, формируемых на основе актуализации в различных контекстах и конситуациях когнитивного стиля продуцентов высказываний (Пугоева & Манаенко, 2023), негативных установках (предубеждениях) и дискриминационных интенциях по отношению к каким-либо группам людей или представителям этих групп. Ведущую роль в его распространении играют информационные технологии, сетевые структуры и сообщества. Социальные сети способствуют расширению ареала употребления языка вражды, мгновенно тиражируя «меткие» слова и фразы, приобретающие негативные, оскорбительные или враждебные коннотации.

Цель статьи – выявление конфликтогенного контента в сообществах ВКонтакте и Telegram-каналах Ставрополья, Дагестана и Северной Осетии, анализ его тематической направленности, применяемых коммуникативных тактик и речевых ходов провоцирования этноконфессиональной конфликтности. Реализация этой цели будет способствовать пониманию актуальных социокультурных угроз, а также факторов, связанных с влиянием на молодежь сетевого пространства и спецификой исследуемых полиэтничных регионов. Будет установлена корреляция лексических единиц, маркирующих различные уровни языка вражды, и тактик выражения речевой агрессии, выбор которых определяется этнокультурными и конфессиональными различиями данных регионов.

Методология

Современное сетевое пространство привело к появлению новых форм и норм социальных коммуникаций, которые изменяют природу социальных взаимодействий. Сетевые сообщества трансформируют социальную морфологию, образуют новые качественные характеристики «социальности». Существующие в медиапространстве информационные потоки, сетевые коммуникации и сообщества изменяют социальное пространство, формируют новые формы и аспекты социокультурных оснований идентичности (дуальной языковой и социумной идентификации) (Теркулов, 2024). Новые коммуникационные структуры в процессе расширения и объединения создают единый сетевой социокультурный и институциональный ландшафт, приводят к появлению новых институциональных практик (Морозова, Мирошниченко & Рябченко, 2016). Сетевое пространство не только создает онлайн структуры и каналы коммуникации, но и начинает управлять социальными отношениями (Найбет & Рода, 2009). Современная медиасреда образует новые механизмы репрезентации и интерпретации социокультурных оснований идентичности, играя все большую роль в формировании различных аспектов идентичности молодого человека. Сообщества в социальных сетях оказывают влияние на ценности и установки молодых поколений, а сами сети становятся

значимым инструментом политической онлайн-коммуникации (Попова, 2021), играют все большую роль в формировании локальной идентичности и политической картины мира (Самаркина, 2021).

Важное значение при изучении враждебной лексики имеют исследования дискурсивных стратегий и применяемых объяснительных моделей в условиях речевого конфликта. В качестве Мы-группы выступает этническое большинство, а в качестве Они-группы – этнические меньшинства. Простым примером такой оппозиционности выступает противопоставление «Мы хорошие – Они плохие» (Dijk, 1997). Одной из основных причин усиления языка вражды становится применение манипулятивных политических технологий (Benesch, 2012). Язык вражды связывается Т. Кинни с такими характеристиками, как фанатизм, стереотипы, нетерпимость и ненависть (Kinney, 2008). Конфликтная мобилизация требует формирования в сознании индивидов крайне упрощенной картины мира. Сложная и неоднозначная социальная реальность как бы делится на две стороны: «свои» – однозначно хорошие (позитивное позиционирование, представление в качестве невинной жертвы, героизация) и «чужие» – однозначно плохие (негативное позиционирование, подрыв доверия и дискредитация). Когда такое представление о действительности сформировано, то призывы и побуждение к враждебным действиям по отношению к «чужим», как правило, вызывают всплеск отрицательных эмоций, нивелирующий критичность и рациональную оценку ситуации. Поскольку призывы к подобным действиям могут быть сформулированы как в виде прямых инъюнктивов, так и в суггестивно нагруженных имплицитных актах в форме инвитивов, декларативов, а также приводящих к необходимым для инициатора конфликта умозаключениям в обход сознательной логической аргументации квестивов, они способны инициировать эмотивно-аффективное коммуникативное и реальное поведение членов сетевого сообщества. Именно игра с набором амфиболических (намеренно двусмысленных) неопределенных мягких паттернов интерпретации, которые несут в себе псевдорациональную аргументацию, являясь на самом деле основанными на эксплуатации эмоциональных состояний потенциального реципиента конфликтогенного сообщения (Fisher, 2022, p. 181), позволяет не только снять с продуцента высказывания эпистемическую ответственность за разжигание розни, но и существенно расширить область манипуляции. Индивид в таком состоянии становится готовым к агрессии и насилию.

Воплощение этих коммуникативных тактик в записях реализуется на основе ряда речевых ходов. Один и тот же речевой ход применяется для осуществления нескольких тактик. Идентификация речевого хода, содержащего потенциальные или реализуемые конфликтогены на различных уровнях высказывания в квантитативном аспекте осуществляется с использованием сложных моделей контекстуальных репрезентаций, предложенных в исследовании коллектива авторов из Университета Южной Калифорнии

(Haider et al., 2023), которые дают возможность анализа манипулятивных конфликтогенных элементов в поликультурных сетевых сообществах с внедрением вводных, основанных на дифференциации неязыковых факторов.

Речевая агрессия, осуществляемая путем использования единиц языка вражды, проявляется на различных уровнях. В рамках анализа лексического состава и речеактовой спецификации инициальных стимульных постов и комментативных реакций, содержащих провокативный конфликтогенный контент, были выделены: 1) жесткий язык вражды, предполагающий явные и завуалированные призывы к насилию и дискриминации, изгнанию (или недопущению) той или иной этноконфессиональной группы из региона (территории); 2) «средний» (умеренный) язык вражды – оправдание насилия и дискриминации той или иной этноконфессиональной группы, сомнение / опровержение общепризнанных исторических фактов насилия и дискриминации, утверждения об исторических преступлениях той или иной этноконфессиональной группы, рассуждения о ее превосходстве; 3) мягкий язык вражды – создание негативного образа той или иной этноконфессиональной группы, утверждения о ее неполноценности и моральных недостатках, упоминания этноконфессиональной группы в унизительном и оскорбительном контексте (Кожевникова, 2007, с. 12-15).

Коммуникативная стратегия негативной презентации рассматривается как общий план речевого поведения, выражающийся в выборе системы, продуманных адресантом поэтапных речевых действий, принятых на основе осознания коммуникативной ситуации и направленных на достижение конечной цели языка вражды – провоцирование этноконфессионального конфликта (Сковородников, 2004, с. 6; Дмитриева, 2018, с. 97). Под провокацией понимается конфликтогенная технология речевого воздействия, побуждающая реципиента к действиям, представляющим опасность как для него самого, так и для социума в целом (Татарникова, 2019, с. 437). Коммуникативная стратегия провокации этноконфессиональной конфликтности реализуется посредством различных видов коммуникативных тактик, в которых, в свою очередь, также вербализируются те или иные речевые ходы. Таким образом, можно выделить следующие тактики:

1. «Размежевание», направленное на формирование противопоставления «свои» vs «чужие», в рамках которого возможно использование двух речевых ходов – критика государственной политики, провоцирование межэтнической и межконфессиональной неприязни.
2. «Негативная презентация или дискредитация этноконфессиональной идентичности реципиентов», которая реализуется при помощи порицания этнической и конфессиональной идентичности, формирования негативного отношения к русскому языку и российской культуре.

3. «Призыв и мобилизация негативного общественного мнения», вербализируемые при помощи ценностно-мировоззренческой конфликтности, пропаганды деструктивных установок и призывов к протестной активности.

В качестве гипотезы, определяющей критерии стратификационной выборки высказываний конфликтогенного сетевого дискурса, послужило предположение о том, что степень враждебности сетевого дискурса и способов интенсификации речевой агрессии отличается в зависимости от присутствия дифференциальных инициальных этнокультурных концептов в ценностно-ориентационном пространстве каждой из этнических и конфессиональных групп исследуемых северокавказских регионов, а также возможность их нивелировки в условиях наличия над-этноконфессиональной интегрирующей идеи.

Результаты

Новые медиа (блогосфера и социальные сети) оказывают, наряду с семьей и институтами образования, определяющее воздействие на формирование мировоззрения, социокультурных ценностей и установок современной молодежи. Это подтверждается результатами социологического исследования студентов ведущих северокавказских вузов, проведенного в марте-апреле 2023 г., опрошено порядка 1400 респондентов. Были составлены следующие квоты: объем выборки – 1400 респондентов в возрасте 18–24 года, 52% из которых девушки, 48% – юноши, 45% – этнические русские, 55% – респонденты из числа других народов. В ходе опроса проводилась коррекция выборки в режиме реального времени. Студенты сами определяли свою этническую и религиозную принадлежность. По результатам обработки данных опроса были выделены следующие группы: 45% русских респондентов, 45% – относящих себя к народам Северного Кавказа, 10% составили респонденты, которые определили свою принадлежность к другим народам; 43% – православные, 33% – мусульмане и 20% – не относящие себя ни к какому вероисповеданию. Исследование показало, что большинство респондентов, независимо от национальности и вероисповедания, признают влияние блогосферы и социальных сетей на формирование своих жизненных представлений. Социальная среда, в которой молодые люди общаются и проводят много времени, имеет наибольшее значение (ее влияние отмечает более 80% опрошенных). При этом общение с друзьями и родственниками также зачастую происходит в мессенджерах и социальных сетях. Наименьшую роль в формировании основ мировоззрения имеют традиционные медиа (ТВ, радио, газеты). Их значение отметили чуть более трети респондентов. Различия в ответах по национальности и вероисповеданию незначительны (см. рис. 1).

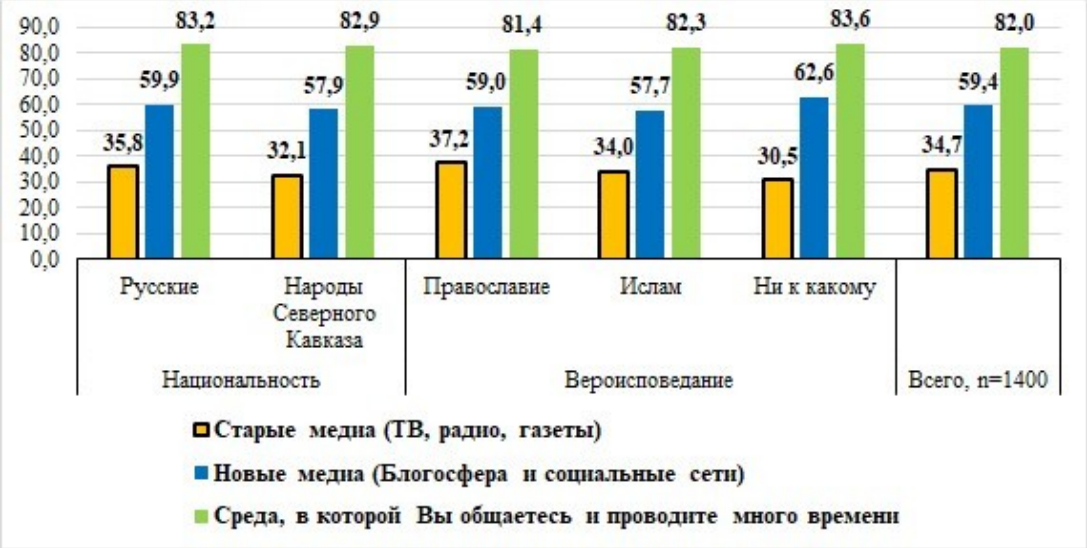

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, повлияло на формирование Ваших ценностей и представлений о жизни?» (ответы «повлияли» и «скорее повлияли»)

Figure 1. Distribution of respondents' answers to the question "What, in your opinion, influenced the formation of your values and ideas about life?" (answers "influenced" and "rather influenced")

Данные проведенных социологических исследований подтверждаются также результатами анализа роста значимости инфоповодов, аксиологических доминант, векторов манипулирования и т.д., представленных в сетевом пространстве по сравнению с традиционной медиасферой, проведенным известнейшим российским медиалингвистом Г. Г. Щепиловой. Исследователь подчеркивает тенденцию к их рапидному росту (Щепилова, 2014).

Этнокультурные различия, наиболее ярко проявляющиеся во фронтирных регионах Северного Кавказа, отражаются в представлениях молодежи о факторах межнациональной конфликтности. Наиболее значимыми причинами, по мнению респондентов, являются неприязнь к культуре и ценностям других народов (51,2%), враждебность и предубеждение по отношению к ним (50,3%), находящие свое выражение в специфической форме провокативного дискурса, инициирующего появление конфликтогенных высказываний. Факторы социально-экономического и политического характера, такие как радикальный национализм (29 %), территориальные конфликты и земельные споры (26,8%), социальное и экономическое неравенство, носящее национальный характер (21,6%) уходят на второй план. Значительной дифференциации по переменным «национальность» и «вероисповедание» не выявлено (см. рис. 2).



Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, являются основными причинами межнациональных конфликтов на Северном Кавказе?»

Figure 2. Distribution of respondents' answers to the question "What, in your opinion, are the main causes of interethnic conflicts in the North Caucasus?"

Важным фактором, характеризующим конфликтность межнациональных отношений, является возможное участие молодых людей в конфликтах в интересах своей национальной общности. Более трети респондентов готовы и скорее готовы участвовать в таких конфликтах (35,1%). При этом такая готовность зависит от национальности и вероисповедания. Так, среди народов Северного Кавказа (45,2%) и мусульман (44,5%) она значительно выше, чем у русских (24,9%), атеистов и агностиков (26,5%), православных (31,8%) (см. рис. 3).

На основе исследования можно предположить, что новые медиа (блогосфера и социальные сети) оказывают существенное влияние на мировоззрение молодежи, независимо от этноконфессиональной принадлежности. Среди основных причин конфликтов на Северном Кавказе в представлениях молодых людей наиболее значимыми являются этнокультурные противоречия. Неприязнь к культуре других народов, враждебность и предубеждения по отношению к ним являются основными факторами межнациональной конфликтности. Выявлена разная степень готовности участвовать в конфликте в интересах своей национальной общности. У северокавказских народов и мусульман она значительно выше. Можно предположить, что этнокультурные различия выступают одной из основных «мишеней» речевой агрессии и триггером конфликтности. Это частично подтверждается и другими исследованиями авторов (Авдеев, Бредихин & Воробьев, 2024).

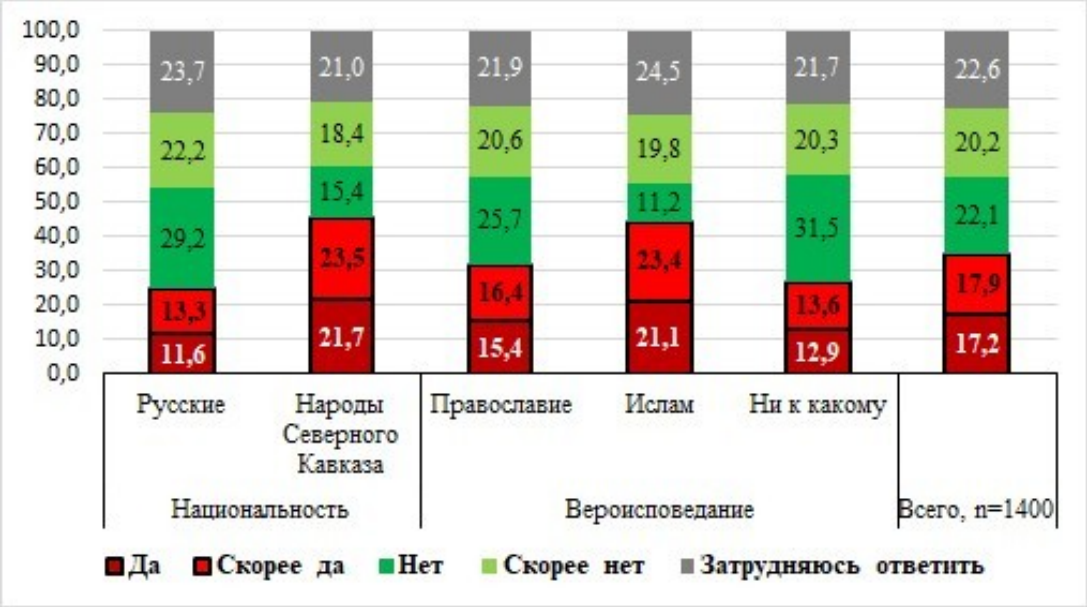

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считает ли Вы возможным для себя принять личное участие в конфликте в интересах людей своей национальности?»

Figure 3. Distribution of respondents' answers to the question "Do you consider it possible for yourself to take personal part in the conflict in the interests of people of your nationality?"

Стратагемно-тактическое варьирование в провокативном сетевом дискурсе этноконфессиональной конфликтности

С целью репрезентации факторов продуцирования межнациональной и межэтнической конфликтности был проведен мониторинг сетевого пространства фронтирных регионов Северного Кавказа: Ставрополье, Дагестан, Северная Осетия – Алания. Были отобраны записи и публикации, распространяемые в основных и наиболее посещаемых сообществах ВКонтакте и Telegram-каналах этих регионов, таких как «Тут Дагестан», «Нетепичный Дагестан», «Что там у дагестанцевV», «Дагестан 24/7», «ЧП Владикавказ?», «Осетия», «Новости Владикавказа», «Нетипичный Ставрополь», «ЧП Ставрополь», «Ставрополье 26», «Мой КМВ 26», «Победа 26» и др. Созданный авторами исследовательский корпус, включающий инициальные посты и микроконтексты комментариев и субкомментативных реакций из социальных сетей исследуемых регионов, включает в себя обсуждение социально значимых инфоповодов. С января по апрель 2024 г. проводился сбор и анализ контента основных сообществ ВКонтакте и Telegram-каналов указанных полиэтничных регионов Северного Кавказа. Из обоих Интернет-ресурсов с использованием метода стратифицированной выборки было выделено: по Ставрополью –

91 запись (комментарий), по Дагестану – 211 записей; по Северной Осетии – Алании – 102 записи, содержащих конфликтную интенцию. Выборка разного количества записей связана с меньшим числом конфликтных комментариев в Северной Осетии – Алании и Ставропольском крае.

1. Ставрополье

Одним из ключевых факторов создания конфликтной коммуникации в сетевом дискурс региона является агрессия, представленная в тех или иных формах, по отношению к различным национальностям. Доминирующей тактикой являет размежевание. Основным речевым ходом становится провоцирование межэтнической и межконфессиональной неприязни (66,1%), а также негативная презентация государственной политики (13,7%). Далее идет негативная презентация или дискредитация этноконфессиональных черт реципиентов (17,4%), реализуемая за счет порицания адресантами соответствующих элементов идентичности. При этом наименьшее распространение получает тактика призывов к протестной активности (см. рис. 4).

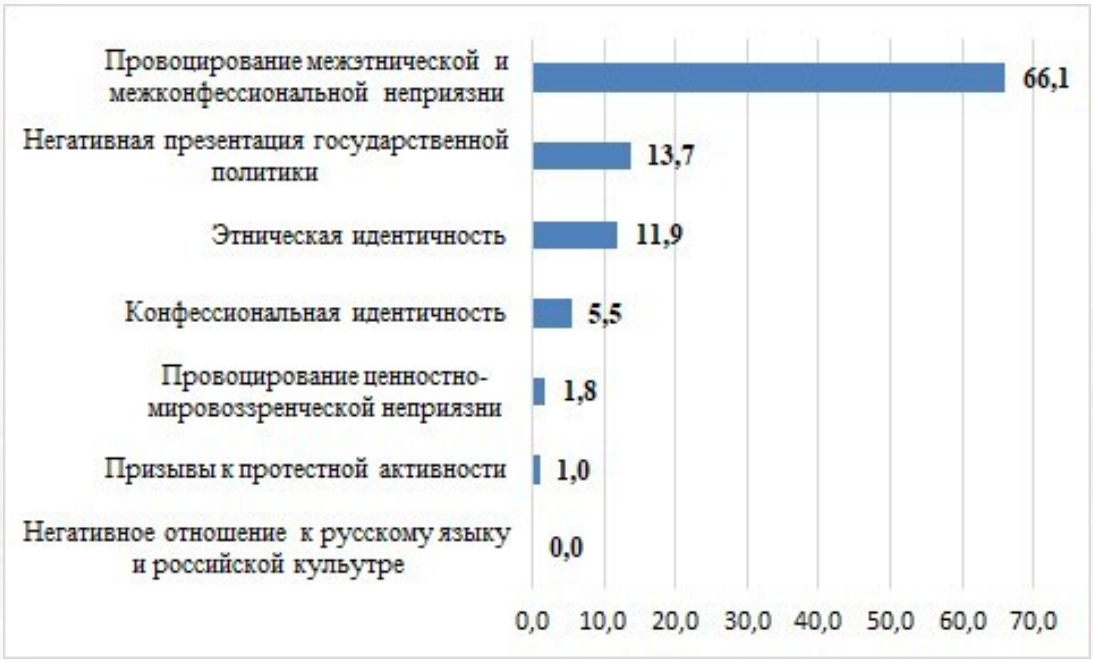

Рисунок 4. Провокативные коммуникативные речевые ходы тактик негативного позиционирования на Ставрополье

Figure 4. Provocative communicative speech tactics of negative positioning in the Stavropol region

Реализация представленных тактик и речевых ходов осуществлялась посредством употребления продуцентами различной пейоративной лексики. В частности, провоцирование межэтнических и межконфессиональных конфликтов основывалось на обвинениях, оскорблениях, проклятьях, пори-

цании, сарказме. В то же время особая роль отводилась этнофолизмам и пейоративным именам нарицательным. Рассмотрим несколько примеров (здесь и далее авторская орфография и пунктуация сохранены):

1. *Больше непроверенных* ***беШенцев*** *пускайте, ещё и не то сделают!*[1]

2. *Почему в России живут* ***таджики*** *и* ***узбеки***?[2]

Оба комментария являются реакцией их авторов на террористический акт в «Крокус Сити Холле», произошедший 22 марта 2024 года. Одним из результатов данной трагедии является всеобщая консолидация населения против обвиняемых в теракте, повлекшая за собой перенос негативных эмоций на всех трудовых мигрантов из Центральной Азии. В итоге провоцирование этноконфессионального конфликта начинает базироваться на неприязни граждан страны к данной категории населения. В примерах ярко прослеживаются вопросительные и восклицательные конструкции критического характера, которые являются одним из элементов усиления заложенного в сообщениях порицания и ненависти в рамках тактики презентации апокалиптического будущего в форме менасивов (предупреждений об угрозах) – *ещё и не то сделают!* Употребление пейоративного окказионального, построенного на фоносемантической игре, имени нарицательного (*беШенцы*) подчеркивает неприязнь к другим национальностям с позиций адресанта, усиливая негативный эффект комментария и, следовательно, формируя негативный образ в сознании реципиентов. При этом стоит отметить, что употребление нейтральных этнических номинаций в комментариях (*таджики, узбеки*) приводит к тем же результатам вследствие их применения в отрицательном контексте и ситуативной аллюзии на исходную публикацию. Подобная ситуация также наблюдается в следующих трех примерах:

1. *Нечего в страну* ***всякий мусор*** *пускать, тогда и проблем меньше будет*[3]

2. *Вот она многонациональная политика. Дружба народов во всей красе.* ***Собаки сутулые*** *только толпой нападать,* ***униженные своим рождением***[4].

3. *Елена, Кому поклон и уважение, вы что пишите такую чушь, когда цыгане были щедрыми? Вы уверены что они везут туда с добрым намериями? Это же* ***продуманные прохвосты***[5].

Несмотря на то, что данные комментарии не объединены общим инфоповодом, их связывает тематика межнациональных конфликтов. Кроме применения тактики размежевания здесь четко прослеживается негативная презентация (дискредитация) этнической идентичности реципиентов, вербализация которой осуществляется при помощи оскорбительных номинаций,

1 https://vk.com/city_26#:~:text=%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%
2 https://vk.com/kmv_info#:~:text=%D0%9F%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%
3 https://vk.com/kmv_info#:~:text=%D0%9D%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%
4 https://vk.com/kmv_info#:~:text=%D0%92%D0%BE%D1%82%20%D0%BE%D0%BD%D0%B0%20%D0%
5 https://vk.com/kmv_info#:~:text=%D0%95%D0%BB%D0%B5%D0%BD%

эксплицитно не связанных ни с этносом, ни с религией (*мусор*, *собаки*, *прохвосты*). Стоит отдельно отметить, что усиление конфликтогенного потенциала данных лексических единиц осуществлялось посредством определений как аппроксимационной (*всякий*), так и оценочно-конкретизирующей (*продуманные*) семантики и причастных оборотов, содержащих в себе отрицательную оценку продуцентов сообщений. Следует указать, что аппроксиматоры и генерализаторы в сетевом провокативном дискурсе реализуют функцию расширения конфликтогенного пространства и увеличения аудитории потенциальных участников обсуждения (Семкина, 2009) В комментариях также прослеживается наличие иронических элементов (пример 2) и вопросительных конструкций (пример 3), на основе которых авторами выстраивается негативная репрезентация национальных меньшинств, являющаяся в дальнейшем базой для формирования неприязни и ненависти к другим народам.

Тактика призыва и мобилизации негативного общественного мнения реализовывалась посредством утверждений и рассуждений, имплицитно содержащих в себе конфликтную интенцию продуцентов комментариев, которая потенциально могла поспособствовать разжиганию национальной вражды и экстремизма. Например:

> *Виталий, дело не в мусульманах а в* ***меньшинстве, которому выгодно развязывать вражду****. Классовая борьба это вечная проблема, тех террористов подставили* ***игиловские барыги****, а у нас свои* ***барыги*** *в лице наших* ***олигархов*** *и* ***чиновников****, обладающих инструментом принуждения в виде нашей армии, полиции и других подразделений*[1].

В данном комментарии присутствует закладываемая автором ценностно-мировоззренческая конфликтность, направленная на противопоставление власти и граждан, что в итоге формирует классовую неприязнь в сознании реципиентов. Отрицательная оценка давалась при помощи таких пейоративов, как «*барыги*», «*олигархи*» и «*чиновники*» с дополнительной интенсификацией негативных определительных элементов. Следует указать, что в данном случае использование пейоративов и обсценизмов носит интенциональный характер, т.е. осуществляется в рамках создания именно имиджевых компонентов, в то время как образные формируются на основе интерпретативной значимости спонтанно (Бредихин & Гасанов, 2022).

Проведенный анализ тактик провокации этноконфессиональной конфликтности сетевого дискурса Ставропольского края показал тесную взаимосвязь в их применении. Размежевание по принципу «свои» vs «чужие» становится основой для формирования конфликтогенной коммуникации, поддерживаемой негативной презентацией национальной идентичности, а призыв и мобилизация негативного общественного мнения не находит широкого распространения. Вербализация данных тактик происходит на основе активно используемой продуцентами пейоративной лексики,

1 https://vk.com/news1777#:~:text=%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%

к которой можно отнести саркастические обсценизмы и окказионализмы, оскорбительные номинации. При этом комментарии, не содержащие явные пейоративные единицы, способны реализовывать этноконфессиональную конфликтность при помощи негативных определительных элементов. Стоит отдельно отметить, что речевые ходы продуцирования негативного отношения к русскому языку и российской культуре отсутствуют в проанализированном сетевом пространстве, что позволяет говорить о доминировании общероссийских идентификационных оснований в регионе.

2. Дагестан

Распределение тактик провокации в сетевом дискурсе Дагестана сохраняет общие тенденции со Ставрополье. Наблюдаемая конфликтная коммуникация, непосредственно связанная с агрессий по отношению к иным национальностям, продолжает основываться на этноконфессиональном размежевании. Речевой ход провоцирования межэтнической и межконфессиональной неприязни занимает лидирующее положение (40,5%) вместе с негативной презентацией государственной политики (24,8%). Далее следует тактика негативной презентации или дискредитации этноконфессиональной идентичности, основанная на трех речевых ходах: порицание конфессиональной (17,4%) и этнической (8,5%) идентичности, формирование негативного отношения к русскому языку и российской культуре (1,1%). Как и на Ставрополье, наименьшее распространение получает тактика призыва к протестной активности и мобилизации негативного общественного мнения (см. рис. 5).



Рисунок 5. Провокативные коммуникативные речевые ходы тактик негативного позиционирования в Дагестане

Figure 5. Provocative communicative speech tactics of negative positioning in Dagestan

Одной из характерных особенностей коммуникации в сетевом пространстве республики Дагестан является ее яркая эмоциональная наполненность. В комментариях прослеживаются вопросительные и восклицательные конструкции как в форме прямых квестивов и эмотивов, так и замаскированные под декларативы, избыточные повторы, а также намеренные лексические искажения, которые в результате их сочетания вербализируют негативную интенцию продуцентов сообщений. Например:

> ***Ни один!!!!!!****....подчеркиваю ---НИ ОДИН из этих* «***дээээпутатов***» «***избраных***»*,ни разу не заступился,не промолвил словечко,не дал огласке,,,за дагестанцев,которые в* ***расии*** *подверглись мусарскому беспределу,,,ни один из них не поднял вопрос об ущемлении дагестанцев при устройствах на работу,,,снятия жилья и всякой дискриминации именно дагестанцев!!!... задаётся вопрос ---а нужны ли эти* ***дармоеды--халявщики*** *простым обычным дагестанцам****??????????????????????????????****...кормить их и всю ихнюю родословную.****??????????????????*****[1]

Данный комментарий непосредственно связан с присутствующими внутриполитическими проблемами в регионе. Здесь четко прослеживается противопоставление «своих» – население республики и «чужих» – представители власти (*дээээпутаты*, *избраные*, *дармоеды*, *халявщики*). Стоит отдельно отметить размежевание, которое происходит и по национальному признаку, что вербализируется в употребляемом автором этнониме с положительной коннотацией (*дагестанец*) и имплицитно упоминаемых русских с отрицательной коннотацией (население *расии*). Вопросительные и восклицательные конструкции, усиленные избыточными повторами (тавтологиями и плеоназмами), в данном случае являются средством дополнительного эмотивного наполнения, служащего маркером негативной интенции продуцента. Подобные тенденции также прослеживаются и в следующем комментарии:

> ***Расия*** *превратилась в* ***сборище****, в логово* ***мошенников, жуликов, воров, крыс дармоедов*** *разных мастей...и это всё исходит от* ***так называемой «власти»****... ну нет в* ***расии*** *ничего честного и людского!!!!!... АБСАЛЮТНО НЕТ!!!!... расия непригодна к жизни,и пора это осознать тем кто с* ***расией*** *паравозом* ***летит в пропасть***[2].

Присутствующая в данном примере негативная презентация государственной политики демонстрирует неприязнь автора не только к принятым политическим решениям, деятелям, но и к России в целом. Ее вербализация осуществляется за счет неоднократного употребления топонима *расия* и различных пейоративных единиц (*мошенники*, *жулики*, *воры*, *крысы*, *дармоеды*). При этом дополнительно оскорбительный характер комментария подчеркивается при помощи негативного атрибутива «так называемый», который выражает сомнения автора в легитимности государственной власти, в то же время

1 https://vk.com/riadagestan#:~:text=%D0%BD%D0%B8%20%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD
2 https://vk.com/moy_dag#:~:text=%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B8%D1%8F%

данный атрибутив обладает семантикой снятия эпистемической ответственности.

В сетевом пространстве также присутствуют комментарии, направленные на размежевание по конфессиональному признаку:

> *Пусть* ***муслики*** *будут с* ***мусликами****, нечего им на славянок западать,* ***уродь****, нацию отравляют*[1].

Вербализация данного речевого хода происходит не только на основе присутствующих пейоративных единиц (*муслики, уродь*), но и за счет усиления негативной интенции продуцента, направленной на дискредитацию мусульман, в форме директивного высказывания. В результате происходит противопоставление как по признаку конфессии коммуникантов (мусульмане / христиане и т.д.), так и по этноконфессиональному признаку (мусульмане / славяне).

Тактика негативной презентации или дискредитации этноконфессиональной идентичности реализуется во всех ранее упомянутых комментариях. Здесь отдельно стоит отметить присутствующий речевой ход негативного отношения к русскому языку и российской культуре. Несмотря на то, что он не имеет значительного распространения, способ его вербализации достаточно ярко демонстрирует провоцирование этноконфессиональной конфликтности. Например:

> *Это традиции варваров а не цивилизованной нации, ни один народ гор не забирал черепа своих врагов а оставлял тела на поле боя, вот вам и лицо русской культуры, как бы с трибун не кричали о своей любви к России,* ***мы народ*** *Дагестана* ***мы жители*** *аварского народа никогда вам не простим то что* ***вы забрали*** *и держите голову* ***героев наших*** *и не дали их похоронит в* ***земле нашей****, и держите их в музеях своих как головы инопланетян и животных и* ***вы*** *называете себя культурной нацией после этого ??? Придет время и* ***вы ответите*** *за все*[2].

В данном комментарии прослеживается сочетание двух тактик (негативной презентации и размежевания), применение которых успешно реализует конфликтогенную интенцию в сообщении продуцента. Сближение со «своими» базируется на использовании местоимений «мы» и «наши», которые совместно с другими членами предложения (*мы народ, мы жители, земле нашей*) формируют объединяющий вектор в коммуникации между жителями региона. При этом для дистанцирования от «чужих» применяется местоимение «вы», употребляемое вместе с глаголами, наполненными дополнительной негативной коннотацией (*забрали, ответите*). В то же время последнее предложение финализирует прослеживаемую во всем сообщении имплицитную угрозу, адресованную русским, в форме менасива. В результате у реципиентов при прочтении может сформироваться не только негативное

1 https://vk.com/moy_dag#:~:text=%D0%9F%D1%83%D1%81%D1%82%D1%8C%
2 https://vk.com/moy_dag#:~:text=%D0%AD%D1%82%D0%BE%20%D1%82%

мнение о гражданах России, представленных в качестве носителей *варварской* культуры, но и о дагестанцах, как о потенциально агрессивной нации.

Тактика призыва и мобилизации негативного общественного мнения в своей основе сводилась к упомянутому ранее конфликту населения и власти, а также конфликту коренного населения и трудовых мигрантов. Например:

> *ВСЕХ ТУРИСТОВ НАДО* **ЗАГНАТЬ** *НА ЭТИ КИРПИЧКИ ПОД ВИДОМ ЭКСКУРСИИ*[1].

Комментарий является ответом на историю об удержании в рабстве гражданина Белоруссии на кирпичном заводе в Каспийске. Как можно заметить, он содержит эксплицитный призыв к насилию, формально выраженный побудительным предложением. Глагол «загнать» играет роль инвитива, подстрекающего реципиента на определенные действия.

В целом анализ сетевого дискурса Дагестана выявил наличие ряда общих со Ставропольем нарративов. Отличительной чертой стало противопоставление республики, ее жителей и ислама с Россией, как доминирующим над всем субъектом. Вербализация данных тактик сводилась к формированию эксплицитного и имплицитного негативного содержания в сообщениях, дополняемого различными пейоративными элементами.

3. Северная Осетия – Алания

В республике Северная Осетия – Алания наблюдаются аналогичные тенденции в применении тактик негативного позиционирования, характерные для ранее проанализированных фронтирных северокавказских регионов. Однако присутствует значительное расхождение в частотности использования речевых ходов. Так, в рамках тактики размежевания доминирует негативная презентация государственной политики (56,5%) при этом провоцирование межэтнической и межконфессиональной неприязни теряет свое лидирующее положение (24,2%). Второе место, как и прежде, занимает тактика негативной презентации или дискредитации этноконфессиональной идентичности. Стоит отметить, что, в отличие от Дагестана, негативная презентация этнических признаков (13,9%) доминирует над негативной презентацией конфессиональных (1,8%), а продуцирование негативного отношения к русскому языку и российской культуре в обоих регионах находится на очень низком уровне (0,9%). Наименьшее распространение в республике получает тактика призыва к протестной активности и мобилизации негативного общественного мнения (см. рис. 6).

1 https://vk.com/moy_dag#:~:text=%D0%92%D0%A1%D0%95%D0%A5%



Рисунок 6. Провокативные коммуникативные речевые ходы тактик негативного позиционирования в республике Северная Осетия – Алания

Figure 6. Provocative communicative speech tactics of negative positioning in the Republic of North Ossetia-Alania

Из представленной выше диаграммы можно сделать вывод, что политическая тематика занимает ключевую позицию в коммуникации в сетевом пространстве Северной Осетии – Алании. Применяя речевой ход негативной презентации по отношению к государственной политике, авторы в своих комментариях выражают критическое мнение и несогласие, а также взгляды, направленные на размежевание жителей Северной Осетии и остальных граждан России на основе архетипической оппозиции «свои – чужие». Например:

> *Жаль, никто не спросил у ~~профессора~~ (тьфу ты, «наставника»!), а работают ли все перечисленные им ужасы только в русском языке? Можно ли сказать, что буквы «ё», «ж», «ш», «щ», «ъ», «ъ», «э», «ю», «я» служащие в осетинском лишь цели удобства внедрения в него заимствований из русского, есть часть стратегии по превращению* ***нас*** *в «****Иванов, не помнящих родства****»?*[1]

В данном комментарии автор критикует позицию, высказанную профессором кафедры русского языка филфака СОГУ Б. В. Кунавина об употреблении иноязычных слов. Вследствие намеренного переноса выводов исследователя на осетинский язык происходит контекстное размежевание между российской, критикуемой, (*иваны, не помнящие родства*) и региональной (*нас*) иден-

1 https://t.me/ossetiaFB/40513

тичностью. В результате закрепляется распространение и легитимизация языкового сепаратизма.

Подобную тенденцию также можно пронаблюдать в следующем комментарии:

> *Даже если вся Осетия прозреет, и выйдет предъявлять - то приедут* ***Иваны на уралах****, и всех* ***тут*** *затопчут.. это этап исторического развития сейчас такой. И с этим у вы ничего не сделать.* ***Как германия 30 - 40 х...*** *Потом будет покаяние и осознание..* ***А мы не знали .. «нас обманули».. «время было такое»..*** *итд.*[1]

В данном примере очевидно негативное отношение автора к политическим решениям страны, проявляющееся в оскорбительных сравнительных конструкциях (*как германия 30 - 40 х...*) и саркастических компонентах (*«нас обманули»*, *«время было такое»..*). При этом присутствует употребление этнофолизма (*Иваны*), уже упомянутого ранее и относящегося к русским, с дополнительным негативным конкретизатором в атрибутивной функции (*на уралах*).

Как можно заметить из вышеприведенных микроконтекстов, провоцирование межэтнической и межконфессиональной неприязни имеет непосредственную связь с негативной презентацией государственной политики, что может быть связано с отождествлением в сознании продуцентов политики России и русских как ее главных акторов. Однако данный речевой ход также распространяется и на другие этносы. Например:

> 1) *Этот народ не подлежит исправлению или воспитанию, всегда* ***камень за пазухой****, это гены, это в крови* ***дурь, предательство и недоброжелательность****.* ***С ними только жёстко и строго!***[2] Реакция на события, произошедшие на осетино-ингушской границе.
>
> 2) *Всех* ***депортировать*** *на свою Родину. Их столько в Москве это ужас, приезжают и ещё им там Гражданство делают. Пусть каждый живёт в своей стране.* ***Неблагодарные.***[3] Реакция на террористический акт в «Крокус Сити Холл».
>
> 3) *Скиньте уже одну ядерку на этот* ***таджикистон****, какая польза от них?*[4] Реакция на новость об обнаружении предполагаемых террористов, устроивших стрельбу в «Крокус Сити Холл».

Все комментарии содержат в себе эксплицитно выраженную агрессию к другим этносам, а именно к ингушам и трудовым мигрантам из стран средней Азии. Здесь можно обнаружить частое употребление абстрактных номинантов с негативной семантикой (*дурь*, *предательство*, *недоброжелательность*, *неблагодарность*), фразеологизма (*камень за пазухой*) и пейоративного топонима, имитирующего фонологически детерминированную самономинацию (*таджикист**о**н*). Конфликтная составляющая также выражается за счет восклицательного и вопросительного предложений, в которых подчеркивается

1 https://t.me/chpvladik/20120?comment=223896
2 https://t.me/osetia_alania15/17289?comment=43594
3 https://vk.com/wall-72749677_1196938?reply=1197236
4 https://vk.com/wall-72749677_1197142?reply=1197343

отрицательная эмоциональная интенция авторов, и призывов в форме инъюнктивов как прямых экспликаторов реализации описываемых действий, выраженных в данном случае через глаголы «*депортировать*» и «*скинуть*».

Тактика негативной презентации или дискредитации этноконфессиональной идентичности реализуется совместно с тактикой размежевания, вследствие чего ее применение наблюдается в ранее рассмотренных комментариях. Как можно заметить, авторами могут использоваться как явные пейоративные единицы, дискредитирующие образ различных этносов, культур и религий, так и скрытые, выявляемые из контекста. Например:

> ***По мне это позор Владикавказа***, *какой* ***Азербайджанец*** *берет и строит мечеть в центре республики в азербайджанском стиле, это недопустимо! Такие здания должны строиться с учётом* ***нашей культуры*** *и* ***нашем стиле***, *это здание портит Владикавказ а не украшает. Мечеть должна быть в городе, безусловно но Осетинская и для* ***Осетин***![1] Реакция на публикацию о суннитской мечети Мухтарова.

Сочетание двух ранее упомянутых тактик реализует в комментарии конфликтогенную интенцию по отношению не только к другим этносам, но и к их конфессиональным ценностям. Конфликтная составляющая выражается при помощи восклицательных предложений, содержащих отрицательную эмоциональную интенцию автора. Поскольку здесь отсутствуют явные пейоративные единицы, негативное отношение прослеживается в нейтральном этнониме «*азербайджанец*», который может быть отнесен к категории «чужие». При этом «свои» вербализируются за счет этнонима «*осетин*» и притяжательного местоимения «*наш*». В комментарии также присутствует порицание, одновременно направленное на иные национальности и их религиозные традиции (*По мне это позор Владикавказа*).

Тактика призыва и мобилизации негативного общественного мнения применялась исключительно в комментариях, связанных с политической тематикой:

> 1) *Давид, только прогресс может спасти эту конституцию, ибо грянет революция , читаю комы и новости пока все только так высказываются , но скоро походу будет пипец.*[2] Реакция на публикацию о нападении на владикавказских полицейских при доставке правонарушителя в отделение.

> 2) *Ну да, а за призывы сжечь целые народы медальки дают! Это как с кражей,* ***украл мелочь - сел***, ***украл миллиарды - условно***![3] Реакция на публикацию о задержании жителя Владикавказа, призывавшего сжечь парламент Северной Осетии.

В комментариях четко прослеживается тактика мобилизации негативного мнения реципиентов, поддерживаемая речевым ходом призыва к протестной активности. Данный речевой ход в форме прямого инъюнктива (призыва) или

1 https://t.me/osetia_alania15/18207?comment=46398
2 https://vk.com/wall-72749677_1196560?reply=1196768&thread=1196767
3 https://vk.com/wall-72749677_1196442?reply=1196450

декларатива, имеющего коннотации инвитива, практически в два раза превышает в количественном отношении сходные приемы в пространстве социальных сетей других исследованных регионов, что находится в соответствии с принципом разделенного восприятия, утверждающим, что воспринимаемый индивидом уровень эксплицируемого в коммуникации протеста влечет за собой неконтролируемое желание к разделению транслируемых конфликтогенов и росту частотности данной тактики по экспоненте (Ахременко, Стукал & Петров, 2020, с. 75).

Оба примера не содержат конкретных пейоративных единиц, происходит имплицитная реализация конфликтогенной интенции. При этом присутствуют противопоставляемые друг другу следствия (*украл мелочь – сел*, *украл миллиарды – условно*), вербализирующие негативное отношение продуцента к власти и государству.

Анализ сетевого дискурса Северной Осетии – Алании показал тенденции, схожие с наблюдаемыми в ранее проанализированных северокавказских регионах. Ключевая роль политической тематики в республике оказала значительное влияние на коммуникацию в сетевом пространстве и предпочтения в применяемых речевых ходах. Как и в других регионах Северного Кавказа, использование различных тактик и речевых ходов основывалось на закладываемой негативной интенции продуцентов сообщений, вербализируемых при помощи эксплицитных (пейоративы) и имплицитных элементов.

Заключение

Проведенный анализ влияния этноконфессиональных и социокультурных факторов на выбор доминантных коммуникативных тактик при реализации речевой стратегии намеренной конфликтности и провокации продемонстрировал, что речевая агрессия в социальных сетях фронтирных полиэтничных регионов, имеющих ярко выраженную этнокультурную специфику, проявляется достаточно выпукло в условиях соответствия коллективной значимости (релевантности) инфоповодов и установки на экспликацию эпизодических ситуативных интерпретационных значимостей (пертинентностей) различных участников сетевой коммуникации. В социальных сетях Ставрополья, региона, где преобладает русское и православное население, чаще применяются речевые ходы, направленные на провоцирование межэтнической и межконфессиональной неприязни. В сетевом дискурсе Дагестана, исламского региона, конфессиональная тематика преобладает над этнической; при этом данный фактор, определяющий стратагемно-тактическое варьирование, играет существенную роль в снижении межэтнической и межконфессиональной неприязни (на 26%). В то же время тематическая и ситуативная привязка конфликтогенеза к инициальному посту (инфоповоду) доказывает, что провоцирование конфликтности приобретает не только этнический, но и конфессиональный характер, обусловленный чувством исламской соли-

дарности с палестинским народом, защитной риторикой по отношению к исламскому образу жизни и традициям. Северная Осетия – регион с преобладающим православным осетинским и русским населением. В настоящее время здесь отсутствуют значимые этнические и конфессиональные противоречия (снижение более чем на 40% по сравнению со Ставропольем и на 15% с Дагестаном); в связи с этим на первый план выходит социально-экономическая проблематика, что выражается в четырехкратном росте тактики негативной презентации государственной политики в сравнении с другими исследованными фронтирными регионами.

Выборка конфликтогенного контента в сообществах ВКонтакте и Telegram-каналах Ставрополья, Дагестана, Северной Осетии, анализ его тематической направленности и применяемых провокативных коммуникативных тактик и речевых ходов свидетельствует о ситуативной и тематической обусловленности роста потенциала этноконфессиональной конфликтности, наиболее ярко проявляющееся на Ставрополье и в Дагестане. Существует прямая корреляция между выбором специфических лексических единиц (этнофолизмов, нейтральных онимов, вторичных прецедентных номинаций), маркирующих тот или иной уровень языка вражды, тактиками выражения речевой агрессии и этнокультурными и конфессиональными различиями исследуемых фронтирных регионов. Значимые этноконфессиональные и этнокультурные различия, сложности и проблемы социально-экономического развития могут превратить социальные сети в эффективный инструмент применения манипулятивных технологий в ходе современной гибридной информационной войны. Исследование сетевого дискурса может не только показать конфликтогенный потенциал речевой агрессии, но и способствовать формированию эффективных средств противодействия возрастающим угрозам дестабилизации этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Цивилизационные основы российской идентичности молодёжи Северного Кавказа: общенациональное единство и этноконфессиональная специфика» (FSRN-2024-0019).

Список литературы

Benesch, S. (2012). Words as Weapons. *World Policy Journal*, 29(1), 7–13.

Dijk, T. A. van. (1997). *Discourse as Structure and Process*. SAGE.

Fischer, A. (2022). Then again, what is manipulation? A broader view of a much-maligned concept. *Philosophical Explorations*, 25(2), 170–188. https://doi.org/10.1080/13869795.2022.2042586

Gabrielova, E. V., Zheltukhina, M. R., Slyshkin, G. G., Shiryaeva, O. V., Volskaya, N. N., & Surikova, T. (2020). Online verbalization of personal assessment: English-language Twitter reactions in the protest political discourse. *Astra Salvensis - Revista de Istorie Si Cultura*, 8(1), 403–421.

Haider, S., Luceri, L., Deb, A., Badawy, A., Peng, N., & Ferrara, E. (2023). Detecting Social Media Manipulation in Low-Resource Languages. *Companion Proceedings of the ACM Web Conference 2023*, 1358–1364. https://doi.org/10.1145/3543873.3587615

Kinney, T. A. (2008). Hate Speech and Ethnophaulisms. In W. Donsbach (Ed.), *The International Encyclopedia of Communication* (1st ed.). Wiley. https://doi.org/10.1002/9781405186407.wbiech004

Авдеев, Е. А., Бредихин, С. Н., & Воробьев, С. М. (2024). Стратагемно-тактическое варьирование в конфликтогенном сетевом дискурсе: Глокализация ценностного пространства. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 1, 47–62. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-47-62

Ахременко, А., Стукал, Д., & Петров, А. (2020). Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных. *Полис. Политические исследования*, 2, 73–91. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06

Бабосов, Е. М. (2019). *Роль креативности личности в развитии сетевого общества.* Беларуская думка.

Бредихин, С. Н., & Гасанов, Б. В. (2022). К проблеме делимитации образа и имиджа в политическом медиадискурсе. *Научная мысль Кавказа*, 1, 110–116.

Бредихин, С. Н., & Пелевина, Н. А. (2021). *Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира.* Параграф.

Бредихина, Ю. И. (2023). Антропоцентрические и когнио-коммуникативные основания делимитации релевантности и пертинентности в дискурсе социальной работы. *Вестник Ставропольского государственного педагогического института*, 2, 28–37.

Дмитриева, А. В. (2018). Коммуникативные стратегии и тактики в видеотекстах французской политической рекламы. *Коммуникативные исследования*, 3, 96–113. https://doi.org/10.25513/2413-6182.2018.3.96-113

Зотов, В. В., & Алексеенко, А. И. (2021). Выявление социальных барьеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций приграничных регионов. *Коммуникология*, 9(1), 139–150. https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-1-139-150

Кожевникова, Г. (2007). Язык вражды после Кондопоги. В *Язык вражды против общества* (сс. 10–72). Центр «Сова».

Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В., & Рябченко, Н. А. (2016). Фронтир сетевого общества. *Мировая экономика и международные отношения*, 60(2), 83–97. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-2-83-97

Найбет, Т., & Рода, К. (2009). Виртуальные социальные пространства: Подходы, практики, перспективы. В Н. Е. Покровский & Д. В. Ефременко (Ред.), *Социологический ежегодник 2009* (сс. 301–307). Кафедра общей социологии ГУ–ВШЭ.

Попова, О. В. (2021). Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских мегаполисов. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(2), 28–54. https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.157

Пугоева, А. О., & Манаенко, Г. Н. (2023). Когнитивный стиль как основа алгоритмизации вербально-когнитивной деятельности в академическом дискурсе. *Актуальные*

проблемы филологии и педагогической лингвистики, 3, 91–101. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-91-101

Самаркина, И. В. (2021). Политическая картина мира сообществ «Вконтакте»: Опыт анализа субъективного пространства политики в условиях сетевого общества. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 17(1), 87–102. https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.107

Семкина, А. В. (2009). Системные и актуализационные показатели категории аппроксимативности. *Язык: Мультидисциплинарность научного знания*, 1, 146–150.

Сковородников, А. П. (2004). О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевые жанры» в практике терминологической лексикографии. *Риторика – Лингвистика*, 5, 5–11.

Татарникова, Н. М. (2019). Коммуникативные стратегии и тактики разжигания межнациональной розни в сети Интернет. *Коммуникативные исследования*, 6(2), 435–450. https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(2).435-450

Теркулов, В. И. (2024). Языковые основы субэтнической, этнической и этнополитической идентичности. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 1, 36–46. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-36-46

Щепилова, Г. Г. (2014). Потребность аудитории в интернете и традиционных СМИ. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 5, 46–54.

References

Avdeev, E. A., Bredikhin, S.N., & Vorobiev, S. M. (2024). *Stratagemic and tactical variation in conflictogenic network discourse: glocalization of value space. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1, 47–62. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-47-62 (In Russian).

Akhremenko, A. S., Stukal, D. K., & Petrov, A. P. (2020). Network vs Message in Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives. *Polis. Political Studies*, 2, 73–91. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06 (In Russian).

Babosov, E. M. (2019). *The role of personality creativity in the development of network society*. Belaruskaya dumka Publ. (In Russian).

Benesch, S. (2012). Words as Weapons. *World Policy Journal*, 29(1), 7–13.

Bredikhin, S. N., & Gasanov, B. V. (2022). To the problem of delimitation of figure and image within political mediadiscourse. *Scientific Thought of Caucasus*, 1, 110–116. (In Russian).

Bredikhin, S. N., & Pelevina, N. A. (2021). *Linguocognitive mechanisms of actualization and conceptualization of idiocomponents of the world picture.* Paragraph Publ. (In Russian).

Bredikhina, Y. I. (2023). Anthropocentric and cognitive-communicative bases of delimitation of relevance and pertinence in the discourse of social work. *Vestnik Stavropol State Pedagogical Institute*, 2, 28–37. (In Russian).

Dijk, T. A. van. (1997). *Discourse as Structure and Process*. SAGE.

Dmitrieva, A. V. (2018). Communication strategies and tactics in french political advertising videotexts. *Communication Studies*, 3, 96–113. https://doi.org/10.25513/2413-6182.2018.3.96-113 (In Russian).

Fischer, A. (2022). Then again, what is manipulation? A broader view of a much-maligned concept. *Philosophical Explorations*, 25(2), 170–188. https://doi.org/10.1080/13869795.2022.2042586

Gabrielova, E. V., Zheltukhina, M. R., Slyshkin, G. G., Shiryaeva, O. V., Volskaya, N. N., & Surikova, T. (2020). Online verbalization of personal assessment: English-language Twitter reactions in the protest political discourse. *Astra Salvensis - Revista de Istorie Si Cultura*, 8(1), 403–421.

Haider, S., Luceri, L., Deb, A., Badawy, A., Peng, N., & Ferrara, E. (2023). Detecting Social Media Manipulation in Low-Resource Languages. *Companion Proceedings of the ACM Web Conference 2023*, 1358–1364. https://doi.org/10.1145/3543873.3587615

Kinney, T. A. (2008). Hate Speech and Ethnophaulisms. In W. Donsbach (Ed.), *The International Encyclopedia of Communication* (1st ed.). Wiley. https://doi.org/10.1002/9781405186407.wbiech004

Kozhevnikova, G. (2007). The language of hostility after Kondopoga. In The *language of enmity against society* (pp. 10-72). Sova Center Publ. (In Russian).

Morozova, E., Miroshnichenko, I., & Ryabchenko, N. (2016). The Frontier of Network Society. *World Economy and International Relations*, 60(2), 83–97. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-2-83-97 (In Russian).

Nybet, T., & Rhoda, K. (2009). Virtual social spaces: Approaches, practices, perspectives. In N. E. Pokrovsky & D. V. Efremenko (Eds.), *Sociological Yearbook 2009* (pp. 301-307). Department of General Sociology, GU-HSE. (In Russian).

Popova, O. V. (2021). Online Political Communication of Youth from Russian Megapolises. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(2), 28–54. https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.157 (In Russian).

Pugueva, A. O., & Manaenko, G. N. (2023). Cognitive Style as the Basis for Algorithmization of Verbal-Cognitive Activity in Academic Discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 91–101. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-91-101 (In Russian).

Samarkina, I. (2021). The Political Worldview of VKontakte Communities: The Experience of Analyzing the Subjective Space of Politics in a Network Society. *Political Expertise: POLITEX*, 17(1), 87-102. https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.107 (In Russian).

Schepilova, G. G. (2014). Audience Needs for the Internet and Traditional Media. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 5, 46–54. (In Russian).

Semkina, A. V. (2009). Systemic and actualization indicators of the category of approximativity. *Language: Multidisciplinarity of scientific knowledge*, 1, 146-150. (In Russian).

Skovorodnikov, A. P. (2004). On the necessity of distinguishing the concepts of "rhetorical technique", "stylistic figure", "speech tactics", and "speech genres" in the practice of terminological lexicography. *Rhetoric - Linguistics*, 5, 5-11. (In Russian).

Tatarnikova, N. M. (2019). Communicative Strategies and Tactics of Incitement of Ethnic Hatred on the Internet. *Communication Studies*, 6(2), 435–450. https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(2).435-450 (In Russian).

Terkulov, V. I. (2024). Linguistic foundations of subethnic, ethnic and ethnopolitical identity. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1, 36–46. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-36-46 (In Russian).

Zotov, V. V., & Alekseenko, A. I. (2021). Identification of Social Barriers in the EthnoConfessional Space of Public Communication of Border Regions. *Communicology*, 9(1), 139–150. https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-1-139-150 (In Russian).